

Зарубин Павел Алексеевич

**Темные и светлые стороны
русской жизни. Роман П. Зарубина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Алексеевич З.**
Темные и светлые стороны русской жизни. Роман П. Зарубина / Зарубин Павел Алексеевич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 467 с.

ISBN 978-5-519-85753-6

ISBN 978-5-519-85753-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ I.

МЪЩАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

I.

Невѣсты Христовы.

Это было въ іюнѣ 1816 года. Въ одну ненастную и довольно темную ночь, по небольшимъ улицамъ и переулкамъ Гавриловой слободы, расположенной на берегу р. Волги, пробирался, куда-то, съ необыкновенною торопливостію, человѣкъ среднихъ лѣтъ, видимо озабоченный какимъ-то особеннымъ обстоятельствомъ. Поворачивая изъ переулка въ переулокъ, онъ, наконецъ, подошелъ осторожно къ одному маленькому домику, выстроенному гдѣ-то на задахъ, и началъ тихо стучаться подъ окномъ.

— Кто тамъ? спросилъ изъ избушки женскій голосъ.

— Здѣсь-ли живетъ *бабушка* *) Лукерья? отвѣтилъ незнакомецъ также вопросомъ.

Къ окошку избушки, откуда ни возьмись, подскочила довольно невзрачная и растрепанная женщина, которая, Богъ знаетъ,

*) Предупреждаю читателей, что слова и выраженія будутъ впредь употребляться сообразно общепринятому нарѣчію того общества, или лица, которое будетъ выведено на сцену.

была-ли во что нибудь одѣта. Прильнувъ лицомъ своимъ къ самому стеклу, она съ какою-то жадностію всматривалась въ черты незнакомаго человѣка и суетливо спѣшила отворить окошко, которое, какъ на бѣду, гдѣ-то задѣло и не отворялось.

— Здѣсь ли живетъ баушка Лукерья? повторилъ незнакомый человѣкъ, всматриваясь въ лицо женщины.

— Рядомъ, отвѣтила какъ-бы въ торопихъ, растрепанная женщина, стараясь, между тѣмъ, какъ можно скорѣе отворить окошко.

— „Чортъ ихъ возьми,“! произнесъ про себя незнакомый человѣкъ, отскочивъ отъ избенки: — „я и позабылъ, что онѣ окаянные живутъ здѣсь...“ Съ этими словами подбѣжалъ онъ проворно къ сосѣдней избушкѣ и осторожно сталъ стучаться въ стекло.

Между тѣмъ, окошко въ первой избушкѣ отхлопнулось довольно громко, и слышно, что употреблена была для этого значительная сила.

Растрепанная женщина, несмотря на сонъ, который тяготилъ ее, несмотря на порядочную свѣжесть воздуха, высунулась, полураздѣтая, изъ окошка, и самымъ искуснымъ образомъ направила свое ухо къ сосѣднему домику. Притаивъ дыханіе, она всѣми мѣрами старалась подслушать разговоръ незнакомаго человѣка съ баушкой Лукерьей, или, по крайней мѣрѣ, хотъ узнать этого человѣка по голосу.

Послышавъ стукъ, баушка Лукерья встала, благословясь, съ постели, поспѣшно подошла къ окошку, отворила его съ величайшею осторожностію и, всматриваясь въ лицо незнакомаго человѣка, спросила чуть не шопотомъ:

— Отъ кого, батюшка?—не вижу.

— Къ Ивану Порфирычу баушка, произнесъ въ полголоса незнакомый человѣкъ, —къ Боброву, прибавилъ онъ для большей ясности.

— Сейчас, батюшка, отвѣтила баушка Лукерья, и, не говоря болѣе ни одного слова, торопливо закрыла окошко.

Незнакомый человѣкъ поспѣшно отошелъ отъ избышки и скрылся въ темнотѣ ночи.

Растрепанная сосѣдка какъ ни налаживала свое ухо, чтобы разслушать разговоръ незнакомаго человѣка съ баушкой Лукерьей, однако не могла разслушать ни одного слова; но дѣло въ томъ, что въ маленькихъ мѣстечкахъ чуть не всѣ жители между собою родня:—то кумъ, то свать; а ужъ по крайней мѣрѣ каждый человѣкъ коротко знаетъ въ своемъ обществѣ всѣхъ безъ изъятія, мужчинъ и женщинъ, и можно сказать съ увѣренностію, что развѣ рѣдкій человѣкъ не распознаетъ кого угодно изъ своего общества въ темнотѣ ночи, по одному только голосу. Такъ и эта любопытствующая женщина въ голосѣ незнакомаго человѣка узнала одного своего дальняго родственника, въ S-мъ колѣнѣ Данила Иваныча.

— Кажется, Данило Иванычъ, произнесла про себя растрепанная женщина, въ то время, когда незнакомый человѣкъ, стоя подъ окошкомъ, сдѣлалъ ей вторичный вопросъ о баушкѣ Лукерьѣ. „Точно, Данило Иванычъ“—прибавила она съ увѣренностію, вслушиваясь въ его разговоръ съ баушкой Лукерьей:— „Ну, вотъ, сударыня моя, и Данилу Иванычу понадобилась баушка! Раненько еще, сударыня моя, Варвара Петрова, смиренница дорогая, Богъ далъ“! прибавила женщина какимъ-то насмѣшливо-ироническимъ, и довольно ядовитымъ тономъ, закрывая окошко.

— Ориша! а Ориша!... произнесла женщина довольно громко, когда совѣшъ уже затворила окошко. Слова эти обращались къ другой женщинѣ, которая въ той же избышкѣ, повидимому, крѣпко спала на полу.

— Что, Паруша? отвѣтила съ просоной Ориша: — что это ты не спишь, мать моя?

— Встала, грѣшница, ночную молитву сотворить, отвѣтила Паруша: — да Данило Иванычъ, — чтобы его! — помѣшалъ: къ баушкѣ бѣжить. Смиреница-то наша дорогая, Варвара, — свѣтъ, Петровна...

— Неужели, Паруша?... перебила ее Ориша, восклицательнымъ тономъ, вскочивъ торопливо съ постели. У Ориши въ это время и сонъ пропалъ, будто отъ какой-то неожиданной радости.

— Вотъ, оно, такъ и есть, продолжала Ориша, сиди на постелѣ; такъ-таки оно и выходитъ; пословица-то видно не даромъ говорится, что „въ тихомъ, де, омутъ черные водятся“, прости меня Господи окаинную грѣшницу! такъ вотъ оно и есть, (Ориша и Паруша, ради благочестія, чертей называли черными). Не говорила ли я тебѣ, Паруша, что не даромъ, молъ, мимо окошекъ Варьки Гусихи писаришко слопяется? Скажи, не говорила?...

— Ну, да кто же, Ориша, могъ это подумать, посуди-ко ты хорошенько... Ай, диковины какія, матушки! прибавила Паруша пѣвучимъ тономъ, вслѣснувши руками: — ай, срамоты срамотовскія!.. хъ-тьфу!! — и Паруша злобно плюнула на что попало.

— А что, Паруша, вѣдь, я думаю, и тридцати еще недѣль не будетъ? спросила Ориша.

— Какія тридцать, считай, мать моя, съ цестрова воскресенья. Ну, вотъ, воскресенье масленичное, — разъ; воскресенье заговенное — два; семь недѣль поста — девять, святая десятая; да, опричь святой, семь недѣль мясоѣда — семнадцать; ну, да вотъ петровокъ три недѣли — двадцать... Вотъ тебѣ, матушка, и всѣ сорокъ недѣлек! присовокупила Ориша съ какимъ-то злобно-саркастическимъ смѣхомъ: — Ну сударыня Фіона (Хіонія) Ивановна, надменница этакая, — прости меня, Господи грѣшницу!.. съ ново-

рожденнымъ внучкомъ, внучкой-ли, черной ихъ знаетъ—честь имѣю поздравить—ха! ха! ха! ха!

— Въ кого это она, Ориша, уродилась? Отецъ, кажется, человѣкъ обстоятельной, мать изъ храма Божія не выходила: диковины, да и только!

— Эхъ, матушка, не вырожено, а выкращено, возразила Ориша:—кресенка-то вонъ, Фишка-та Демиха, говорятъ, я теперь еще Егранку-гу Спирина не бросаю, я слышала это ужъ отъ вѣрнаго человѣка... Да, такая же будетъ сволочуха, прости меня Господи грѣшницу! говорить-то бы не надобно...

— А кто Ориша?

— Ну, племянка-то, матушка, Сидориха-та, Палашка-та. Вѣдь каждое воскресенье, таки каждое воскресенье, *ендавитъ* *) съ засѣдательшей въ горы, сволочь этакая! прости меня Господи! ну, что ужъ у засѣдательши взять? подумай-ко ты, Паруша!.. Да что еще, Паруша; вотъ вѣдь, чуть было не позабыла я тебѣ объ этомъ и сказать-то. Опомнись я иду по улицѣ, да твою Іеусову молитву, а секретаришко мимо ихъ и идетъ; Палашка-то, вижу, торчитъ у окошка; я, этакъ, гляжу, что, молъ, будетъ; какъ бы ты думала... хоть бы, безстыдная рожа, сколько нибудь пріутолилась, ни чуть, сударыня, не бывало; а разхлебывала окошко-то, да такъ-таки, и торчитъ да глазѣтъ. Ну, секретаришко-то, вѣстимо дѣло, поклонился ей; а она, безсормные зенки, хоть бы смигнула, хоть бы глаза-те въ низъ опустила, а, взяла, да и сама ему отвѣсила поклонъ. Думай-ко ты, Паруша; а? каково родителямъ-ту? вѣдь сердце-то, я думаю, переболитъ, сердце-то переболитъ!... Какъ бы взять по два въ

*) Все равно, что «ходить», только въ оскорбительномъ тонѣ.

руку, да по четыре въ спину, такъ позабыла бы съ *секретарямъ* кланяться... Экія дѣла! экія дѣла!...

— Какъ правду-ту матку говорить, Ориша, такъ ужъ именно вся роденька у нихъ такая; пословица-то видно не даромъ говорится: „сынъ въ отца, отецъ во пса—все въ бѣшену собаку“. Вѣдь вонъ сношенка-то Гришихина, лучше что-ли людей? а вѣдь ихнил-же роденка-то; на чужой, вонъ, ротокъ не накинешь платокъ. Ономясь, въ Тихаповъ день, Анна Петровна какъ поразсказала мнѣ, за обѣдней, про ее-то похождения, такъ волосы вьшутъ, Ориша, ну просто волосы вьшутъ!

— Эхъ, Паруша, охота тебѣ говорить про Анюшку Гришиху, вѣдь она извѣстна всей слободѣ, у этой, прости Богъ, прощелыги ужъ ни стыда, ни *соромы* *) ни съ кѣтору сторону. Мужичко-го, говорятъ, не знаетъ ужъ какъ съ ней и биться-то: „утоплюсь, говорятъ, либо удавлюсь, а жить, говорятъ, съ такой вѣдьмой не буду“—такъ-таки вотъ и говорятъ, ужъ я объ этомъ отъ самаго вѣрнаго человѣка слышала.... О—охъ! грѣхи, грѣхи людскіе! Какъ-то намъ грѣшнымъ на томъ свѣтѣ предстать будетъ, а? Здѣсь, вотъ, съ секретарями, да съ писарями знакомство сводимъ, а тамъ что будемъ отвѣчать-то, а? подумай-ко ты!... О—охъ! охъ! охъ!

— Ну, Ориша, не наше дѣло: чья душа въ грѣхъ, та и въ отвѣтъ; всехъ. матушка, не переучишь, да не наставишь. Говорятъ, вонъ, Окулька Шевыриха съ Егоркомъ Гнусаремъ дружбу свела,—и учи вотъ, да наставляй.... Чай, слышала ты объ этомъ Ориша?

— Какъ, матушка, не слышать... слышала, отвѣтила Ориша.

*) Сраму.

— Просто ужъ, говорятъ, любить его! прости меня Господи грѣшницу, слова-то какія, грѣшница, говорю, хъ-тьфу!

Тутъ Паруша съ особеннымъ неистовствомъ плюнула я, вздохнувъ изъ глубины души, стала ложиться спать возлѣ Ориши, которал уже успѣла лечь на прежнее свое мѣсто. Послѣ мимутнаго успокоенія, Ориша вдругъ спросила:

— Да перекрестила-ли ты окошко-то, Паруша?

— Неужто, матка, — нѣтъ; вѣдь я не татарка какая, прости меня Господи грѣшницу, — не Парушка приказничиха; та, вонъ, говорятъ, и за спанье-то съ мужишкомъ-ту почти не молится, свѣчки воску ярова, говорятъ, во всемъ домѣ не найдешь! да чего тутъ... Ономнись, капунъ капуна Вознесеньева дни, забѣжала я къ нимъ подъ окошко послушать, гляжу въ щелочку — мужишко-то не-во что играетъ: въ балалайку что-ли какую, такъ по струнамъ-ту ничѣмъ и елѳзить, а она визгомъ такъ и визжитъ; а Парушка, та только сидитъ-да слушаетъ... и не думаютъ, что праздникъ Христовъ на дворѣ! Какъ еще, Ориша, Богъ терпитъ такимъ татарамъ, какъ мать-та сыра земля насъ держитъ, а?!... Не думаютъ, видно, и умереть-то...

— Эхъ, Паруша, гдѣ ужъ этакимъ богоотступникамъ думать о смертномъ часѣ! какъ искры-то въ сердцѣ-то нѣтъ, такъ со стороны, моя матушка, не вложишь... Здѣсь въ прошлой базарѣ, гляжу, Парушка-та слоняется въ купавинской шали; ну молъ, дружечикъ, скоро, молъ, спустишь матченкино-то приданое, не много, молъ, купавинскихъ-ту шалей вывнесла...

— Твоя рѣчь впереди, Ориша, съ азартомъ перебила ее Паруша: — Видѣла ты сегодня за обѣдней Евгешку Демиху?

— Нѣтъ, ничто не догадалась, Паруша; да гдѣ же она стояла?

— Ну, тутъ, матка, за столбомъ-ту, противъ тріехъ-ту отроковъ.

— Нѣтъ, дѣвушка, не видала. Окульку Кнута такъ видѣла, тутъ стояла, съ обитымъ-ту подоломъ.

— А она отъ Окульки-то Кнута только черезъ челоуѣка и стояла, да вытягалась.

— Невдомекъ, дѣвушка, экой грѣхъ какой, право!... Такъ что-же, Ориша?

— Чево, матушка, знаешь ли въ чемъ она была?

— Да въ чемъ быть-то? я думаю въ капотѣ въ двушелковомъ.

— Полно-тко, матушка, какое— „въ капотѣ“ въ подлучшемъ платьѣ была!!

— Это въ голубомъ-ту, Паруша?

— Ну-да, что вотъ въ *другихъ-ту* у нее, въ немъ и была... Ну, къ чему, свѣтлой лобъ, она выпялилась сегодня въ подлучшее-то платье? ну, кто сегодня подлучшія платья надѣваетъ? подумай-ко, Оринушка; праздникъ, что-ли, дванадислтый? престоль-ли? именинница-ли?... о-охъ! мотыга, мотыга! гольшена этакая!... Придапнаго, что-ли, много выпесла?—знаемъ, матушка моя,—знаемъ, насъ ужъ не обманешь: платьишекъ-ту матерчатыхъ первой, другой, да и обчелся; а салонниковъ-ту шелковыхъ весь тутъ одинъ: и въ колье, и въ мялье, и въ вылюдье...

— Я думаю, Паруша, вѣдь все надъ ней, ёрой, въ церквѣ-то смѣялись!

— Какъ, матушка, не смѣяться-то! Анна Петровна, гляжу, у окошка стоитъ: на меня покосится, да на нее; да такъ и покатится со смѣху, такъ и покатиться. Носъ-то во всю обѣдню такъ изъ кулака и не выпускали.

— Эки мотовки! эки прощеколды! произнесла Ориша весьма протяжно:—Вѣдь и сестренка-то, говорятъ, у нея такая же. Съ свекровью-ту, говорятъ, такъ заворотки и посятся; ну, а та

женщина скромная, да богобоязная, лишняго слова не скажетъ; а выпѣшнимъ споникамъ видно это не по губѣ; все бы *хай, да май*; *) стряпаетъ, говорятъ, такъ, и подольна-та не заткнетъ, а такъ, говорятъ, и бродить.

— Эхъ! Ориша, охота тебѣ говорить про такую неряху бѣлосѣтную — хъ-тьфу!... Она, вонъ, проплаго, кажется, года, въ стрѣтеневъ день выпялилась въ хорошее платье...

— Неужто, Паруша, въ правду?

— На семъ бы мѣстѣ провалиться, — не лгу! Вѣдь ужъ я пустога говорить не люблю.

— Ай, мотонка! ай прощелыга! ай! ай! ай! Я вѣдь этого, дѣвушка и неслыхала!... А вѣдь у нее, Паруша, въ хорошихъ-ту, кажется, сиреневое платье?

— Эхъ, matka, ровно не знаешь, мусаковое, мать моя.

— Нѣтъ, нетъ, Паруша, сиреневое.

— Нѣтъ, матушка, мусаковое; вѣдь ужъ я знаю, со мной ужъ, матушка, не спорь, пожалуста, произнесла Паруша съ нѣкоторою гордостію.

— Да вѣдь я, сударыня, знаю не хуже другихъ-прочихъ, возразила Ориша съ достоинствомъ.

— Ты ужъ, сударыня, поспорить любишь, извѣстное дѣло. А съ старшей-ту сестрицей и помѣньше бы спорила, роток-отъ бы и не слишкомъ драла, — вотъ что, сударыня моя, Ориша Ивановна, прибавила Паруша съ полнымъ сознаниемъ собственнаго достоинства.

— Тебѣ, сударыня, Парасковья Ивановна, ужъ не уступлю такъ и не уступлю! произнесла Ориша, значительно возвысивъ

*) *Хай да май* обозначаетъ: безчинно — дерзко, кое-какъ.

свой голосъ:—не матушкѣ родной; для меня ты вотъ что—подошва.... и Ориша похлопала себя по подошвамъ ногъ.

— Ты ужъ извѣстная озорница бѣлосвѣтная, перебила Паруша дрожащимъ голосомъ:—отъ тебя, и братецъ-отъ Сергѣй за-
давился...

— А не отъ тебя-ли лучше? перебила Ориша съ гнѣвомъ:—отъ тебя ему житья-то не было; ты вѣдь ужъ всей слободѣ извѣстная за всесвѣтную озорницу; краситься-то ужъ матушка, нечего; братецъ отъ, покойный свѣтъ, -- дай ему Господи царство небесное!—вѣдь ужъ не даромъ тебя все звалъ вѣдьмой кievской: вѣдьма кievская, да вѣдьма кievская, и имени тебѣ другого отъ него, покойнаго свѣта, не было; да ужъ того, матушка, и стоишь!... того стоишь!...

— Отъ вѣдьмы кievской слышу!—перебила Паруша, всхлипывая отъ злости:—что ты меня братцомъ-ту своимъ попрекаешь Богъ-отъ, батюшка, видѣлъ, сколько я отъ него напраслилъ-ту переносила! прибавила она со слезами: за то вотъ его Бог-отъ и наказалъ, и сдѣлался, прости Господи, „*черному баранъ и одранъ—готовъ*“ *). Чего ужъ взять—удавленникъ, демонское достояніе.

— Полно, безстыдница этакал! срамница ты бѣлосвѣтная! вѣдьма, таки, и есть кievская! сама, можетъ, быть удавишься!..

— Нѣтъ, скорѣе тебѣ разорветъ по макову зернушну, чѣмъ я удавлюсь!.. чтобы у тебя языкъ-отъ въ затылокъ поворотился у еретицы! помнишь-ли что говоришь, бусурманка?.. кричала Ориша со слезами, дрожа отъ злости всѣмъ тѣломъ.

— Удавишься, таки удавишься! продолжала кричать Паруша, видя желанное дѣйствіе своихъ словъ.

*) Мѣщанская острота и поговорка.